

Лян Чэн вышел из машины и раскрыл зонт. У ступеней перед входом в здание стоял Цяо Юаньлинь, а рядом, у самых дверей, замер Лэй Цзюньмин. Выражения лиц у обоих были какими-то неестественными.

Как врач, Лян Чэн привык верить науке, но сейчас вдруг безоговорочно подчинился инстинкту. Он не стал ждать на месте и, не раздумывая, шагнул к зданию.

Фары вспыхнули в темноте двумя белыми огнями. Лян Чэн подошел к Цяо Юаньлиню со стороны света, накрыв пологом зонта его промокшее плечо.

Атмосфера установилась странная и тихая. Никто не ронял ни слова, но взрослым людям и не нужно было ничего объяснять: одного-двух столкновений взглядов хватало, чтобы понять суть.

Стоя на нижней ступени, Лян Чэн обладал удивительной способностью смотреть снизу вверх так, словно возвышался над собеседником. Он пристально разглядывал Лэй Цзюньмина, будто целился в мишень, и медленно проворачивал рукоять зонта, точно взвешивал на ладони дротик.

Наконец Лэй Цзюньмин не выдержал:

— Юаньлинь, прости, что огорошил тебя всем этим так внезапно.

Вдыхая тонкий, свежий запах Лян Чэна, Цяо Юаньлинь с задержкой пробормотал:

— Я...

— Ответишь мне в другой день, — перебил Лэй Цзюньмин.

— Ответишь на что? — спросил Лян Чэн.

— Это наше личное дело, — не слишком уверенно буркнул Лэй Цзюньмин и, развернувшись, ушел внутрь телестанции.

Покинув телестанцию, Цяо Юаньлинь забился на заднее сиденье, словно пытаясь спрятаться. Дождь припустил сильнее, Лян Чэн гнал вовсю, и на поворотах Цяо Юаньлиня едва не укладывало набок.

Дворники ходили туда-сюда, будто маятник гипнотизера. Цяо Юаньлинь смотрел на них, а в голове царил полный хаос: Лэй Цзюньмин только что спросил, не хочет ли он перевести их отношения на новый уровень?

Неужели бог брака сошел с ума? Человек, который спас ему жизнь, дарил невероятное счастье и даже в моменты крайнего раздражения не опускался до подлостей, утверждал, что ни за что его не полюбит. А тот, кто видел в нем лишь соперника и лгал ради собственной выгоды, оказывается, пылал к нему чувствами?

Цяо Юаньлинь невольно задумался: сколько в заботе Лэй Цзюньмина было искренней симпатии, а сколько — фальши, замешанной на зависти?

И как теперь отвечать? Взрослая жизнь оказалась слишком сложной. В юности все было просто: радуешься — дружишь, злишься — ругаешься, эмоции чистые и смелые. А теперь даже над отказом приходится долго ломать голову.

Чем больше он думал, тем сильнее накатывала досада. Он тяжело вздохнул, нарушив долгое

молчание. Приподняв глаза, он притворился, будто невзначай смотрит в зеркало заднего вида, и тут же столкнулся с пристальным, поджидающим взглядом Лян Чэна.

Отвернуться он не успел.

— О чем думаешь? — спросил Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь замер, но мысли в голове закрутились с бешеной скоростью. Если бы Лян Чэн не появился, вздохнул бы он так сильно? И если Лян Чэн узнает правду, как он отреагирует?

— Я... — соврал он вопреки собственным чувствам, — думаю, соглашаться или нет.

В узком зеркале не удавалось разглядеть выражение лица Лян Чэна, лишь его сдержанный голос прозвучал из темноты:

— Соглашаться на что?

Цяо Юаньлинь вцепился пальцами в колени:

— Лэй Цзюньмин признался мне в любви.

Лян Чэн быстро моргнул пару раз и снова уставился на дорогу. Оперевшись левым локтем о дверцу, он прижал дугу между большим и указательным пальцами к подбородку, а мозоль на костяшке указательного пальца прижалась к уголку губ.

Слегка приоткрыв губы, он впился зубами в огрубевшую кожу.

Он прикусил палец до крови как раз в тот момент, когда они подъехали к дому.

Двигатель заглух. Стук капель по крыше казался оглушительным — этот шум почти перекрыл его ответ:

— Нет.

Цяо Юаньлинь стало холодно, он сжал плечи:

— Что?

— Нет, — повторил Лян Чэн. — Лэй Цзюньмин не подходит.

— А тебе-то какое дело? — огрызнулся Цяо Юаньлинь вполголоса. — Или мне теперь до конца дней ни с кем не сходиться и сохнуть по одному человеку?

Лян Чэн повернул голову:

— У меня нет права вмешиваться. Но спроси себя сам: он тебе правда нравится? Он вообще заслуживает этого после всего, что сделал?

«Значит, ты просто боишься, что я останусь в дураках?» — Цяо Юаньлинь с усилием сглотнул подступивший к горлу ком и спросил:

— А если я встречу того, кто заслуживает? И если он мне тоже будет нравиться?

Лян Чэн нажал на кнопку, и ремень безопасности с громким щелчком отскочил назад, словно

что-то оборвалось.

— Тогда я буду рад за тебя, — произнес он. — И пожелаю вам счастья.

Цяо Юаньлинь стиснул зубы:

— Спасибо.

Холодный дождь хлестнул по лицу. Он выскочил из машины, вздрогнул и за те пару шагов до подъезда промерз до костей. В столовой горел свет, на столе под защитным колпаком остывал ужин, но аппетита не было совершенно. Цяо Юаньлинь прошмыгнул к себе и запер дверь.

Сбросив тапочки, он забрался под тонкое одеяло и вытянулся струной. На душе было невероятно паршиво. Он ведь хотел отблагодарить его за помощь с расследованием, а теперь...

Этот Лян Чэн только и умеет, что изводить его и вертеть им как хочет.

Возомнил себя старшим братом? Да кому вообще сдались твои пожелания счастья?!

Лян Чэн колебался, возвращаться ли ему к себе в квартиру или остаться ночевать здесь. Беспокойство перевесило: припарковав машину, он вошел в дом и аккуратно убрал разбросанные Цяо Юаньлинем кроссовки в шкаф.

Согрев стакан молока, он подошел к спальне и постучал. Никто не отозвался, и он поставил стакан на подставку для вазы возле двери.

Прошло минут пятнадцать. Цяо Юаньлинь прислушался — за дверью установилась полная тишина. Он решил встать, на ходу придумывая оправдания: мол, захотелось пить, проголодался, да и документы на журнальном столике не убраны.

Спустив ноги с кровати, он подошел к двери и повернул ручку.

Лян Чэн никуда не ушел. Он так и стоял прямо перед дверью.

Цяо Юаньлинь обомлел, не выпуская из рук дверную ручку:

— Ты... ты уморить меня решил?!

Лян Чэн без единой эмоции на лице произнес: «Прости», — но тут же властно толкнул дверь и, пока Цяо Юаньлинь пребывал в замешательстве, крепко прижал его к себе. Семья находилась буквально за стеной, но он, не боясь быть застигнутым, обнял его так сильно, что между ними не осталось ни миллиметра.

— Я соврал.

— Что?

— В машине. Я соврал, — прошептал Лян Чэн ему на ухо, поглаживая затылок, словно одновременно уговаривал и принуждал. — Откажи ему. Лэй Цзюньмину или кому угодно еще — откажи.

От этого объятия у Цяо Юаньлиня отнялись ноги, и только язык продолжал упорствовать:

— С какой стати...

— Когда я делал для тебя колокольчик, я думал, что вы подходите друг другу, — хладнокровно проговорил Лян Чэн. — По крайней мере, с ним ты бы не страдал. Выйдя из бара, я решил, что больше никогда не буду вспоминать тот день, пятого числа. Но когда с тобой стряслась беда, я понял: он не подходит. Никто не подходит.

Он сделал паузу и позвал:

— Цяо Юаньлинь. Я искуплю всю боль, которую причинил тебе. Не надо никого другого, ладно?

Щелк.

В соседней комнате повернулся ключ.

От испуга Цяо Юаньлинь оттолкнул Лян Чэна, но они все равно стояли слишком близко. Его грудь тяжело вздымалась — то ли от испуга, то ли от услышанного признания.

Цяо Вэньюань вышел из комнаты, накинув на плечи куртку, и в замешательстве замер при виде них:

— Вернулись? На столе ужин.

В хозяйской спальне был свой узел, поэтому Цяо Юаньлинь спросил:

— Пап, ты чего встал?

— Из больницы звонили, срочный вызов, — ответил Цяо Вэньюань. — Вы если общаетесь, идите к себе, не будите Хэ Цзе.

Цяо Юаньлиню было уже не до разговоров. Воспользовавшись моментом, он отодвинул Лян Чэна на шаг и, выдавая себя с потрохами, выпалил:

— Брат просто принес мне молоко, мы больше ни о чем не говорили!

Цяо Вэньюань нахмурился:

— Взрослый парень уже, а за тобой все еще с молоком ходят.

— Все в порядке, — ровным тоном произнес Лян Чэн. — Дядя Цяо, осторожнее на дороге, там сильный дождь.

Когда Цяо Вэньюань ушел, Лян Чэн поднес стакан с молоком и молча протянул его Цяо Юаньлиню. Заметив свежую красную ранку на его искусанном пальце, Цяо Юаньлинь забрал стакан и поспешно захлопнул дверь.

Из-за закрытой двери донесся его голос:

— В верхнем ящике столика есть пластырь... Я сплю, не беспокоить!

Первый осенний дождь лил всю ночь. Рассвет затягивался, и даже в девять утра за окном стояла угрюмая темень.

Цяо Юаньлинь выключил будильник и снова задремал. Проснувшись, он уткнулся взглядом в пустой стакан из-под молока у изголовья, и воспоминания захлестнули его с новой силой.

Искупить боль... Не надо никого другого... Он точно правильно все понял?

Приняв душ, он натянул толстовку с длинным рукавом и пошел на кухню вымыть стакан.

Хэ Цзе ушла на работу, Цяо Вэньюань еще не вернулся. Цяо Юаньлинь думал, что дома никого нет, но, подойдя к двери, увидел Лян Чэна. Тот готовил завтрак, слегка подогнув заклеенный пластырем указательный палец.

— Проснулся? — Лян Чэн мельком глянул на него.

— Ты сегодня не на работе? — спросил Цяо Юаньлинь.

— Отгул, — ответил Лян Чэн, очищая сваренное яйцо. — Садись есть.

Документы с журнального столика переключались на обеденный. Лян Чэн заметил их еще ночью, когда искал пластырь: там были материалы по делу о гибели девушки в отеле. Впрочем, сверху лежал еще один листок — с записями, которые Лян Чэн сделал во время утреннего звонка.

Он подвинул его к Цяо Юаньлиню:

— Посмотри, пригодится ли.

На бумаге были набросаны основные факты: погибшей проводили вскрытие, которое показало сильное превышение дозы седативных препаратов. В ходе расследования выяснилось, что из-за постоянного стресса девушка и раньше регулярно принимала эти лекарства, поэтому тогда не удалось однозначно доказать, что вещество подмешали в алкоголь.

К тому же сразу после происшествия администрация бара замела все следы, и к моменту возбуждения дела восстановить картины событий было уже почти невозможно.

Цяо Юаньлинь перечитал записи трижды. Теперь, когда все тайное выплывало наружу, в этом замязанном деле мог наметиться перелом, и появился шанс добиться справедливости для погибшей.

Аккуратно убрав листок, он спросил:

— Откуда ты все это узнал?

Лян Чэн, который изначально просто решил попытать удачу, ответил:

— Спросил у Чжэн Яньдуна. Он как раз пересекался с этим делом.

<http://bllate.org/book/18284/1753083>